

УДК 330.834
ББК 65.02(4Вел)
DOI 10.17150/2308-2588.2017.18(3).467-487

Г. М. Самошилова

*Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация*

НЕОРТОДОКСАЛЬНЫЙ КЕЙНС: ЗА ПРЕДЕЛАМИ КЕЙНСИАНСТВА «КЛАСНОЙ ДОСКИ»

Аннотация. Дж. М. Кейнс известно во всём мире как создатель теории государственного регулирования экономики. Но, к сожалению, идеи Кейнса знакомы большинству в интерпретации его последователей. Неокейнсианцы развили те идеи Кейнса, которые были актуальны и востребованы во второй половине XX века. Ортодоксальный Кейнс есть продукт неоклассического синтеза, продукт «экономикс». Сегодня пришло время и для других идей книги «Общая теория занятости, процента и денег». Чтобы во всей полноте осознать их и обеспечить им применение и развитие, требуется «очистить» идеи самого Кейнса от домыслов его комментаторов, увидеть возможность развития оригинальных идей Кейнса в современных условиях.

Ключевые слова. Кейнсианство, теория государственного регулирования, неокейнсианство, институционализм, неоинституционализм.

G. M. Samoshilova

*Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russian Federation*

UNORTHODOX KEYNES: BEYOND KEYNESIANISM «BLACKBOARD»

Abstract. John M. Keynes is well-known as the creator of the theory of state regulated economy. But, unfortunately, the ideas of Keynes are mostly known in the interpretation of his followers. Neo-Keynesians developed

the ideas of Keynes, which were relevant in the second half of the twentieth century. Orthodox Keynes is a product of the neoclassical synthesis, the product of «Economics». Today it is time for other ideas of the book «The General Theory of Employment, Interest and Money». That is why in order to fully realize them and to ensure their application and development, it is required to «clean up» the ideas of Keynes from speculation of the commentators to see the possibility of development of original ideas of Keynes in modern conditions.

Keywords. Keynesianism, the theory of government regulation, Neo-Keynesians, institutionalism, neo-institutionalism.

Имя Джона Мейнарда Кейнса хорошо известно в нашей стране. Его книга «Общая теория занятости, процента и денег» переводилась на русский язык ещё в советское время, когда многие произведения других западных экономистов не были доступны широкой общественности в силу идеологических соображений (например, произведения Ф. Хайека). Почему же Кейнс был доступен советскому читателю? Потому что он критиковал рынок свободной конкуренции, разрабатывал теорию государственного воздействия на экономику, что находило отклик в сердцах приверженцев плановой экономики.

Книга Кейнса интересна, полезна, относительно невелика по объёму. Казалось бы, за столько лет чтения она должна была бы быть освоена досконально, легко цитироваться и узнаваться с любого места. Однако всё обстоит иначе.

Теория государственного регулирования экономики стала визитной карточкой Дж. М. Кейнса, которого многие и знали только благодаря ей. Причём, знакомство с автором для многих ограничивалось страницами учебных изданий, которые реализовывали основную цель — показать его основоположником современной макроэкономики, создателем теории го-

сударственного регулирования и разработчиком антикризисных мер правительства.

С подачи последователей Кейнса он знаком большинству изучающих экономику в их интерпретации. История распространения идей Кейнса хорошо знакома (см., например, [1; 2; 4; 5; 11; 13]) и ещё раз возвращаться к ней мы не будем. Хотя хрестоматийную характеристику П. Самуэльсоном основного его труда привести необходимо: «“Общая теория...” — ужасно написанная книга, она плохо организована... Она полна иллюзий и путаницы... Сама кейнсианская система изложена в ней неясно... Вспышки озарений и интуиции перемежаются с нудной алгеброй. Неуклюжие определения внезапно сменяются незабываемым пассажем. Когда ее, в конце концов, одолеешь, то оказывается, что анализ в ней очевиден и в то же время нов. Короче говоря, это работа гения» (цит. по: [11, с. 14]). Именно эта широко известная мысль большого учёного, много сделавшего и для развития, и для популяризации экономической науки, определила судьбу книги: принято считать её гениальной, но не пытаться самостоятельно справиться с «иллюзиями и путаницей», а также неясностью изложения материала. Немногие смельчаки отважились пройти весь путь от первой до последней страницы самостоятельно, без принуждения в рамках соответствующих учебных курсов. Только пройдя этот путь, понимаешь, как мало похож ортодоксальный Дж. М. Кейнс со страниц учебников на автора часто действительно неудобных для восприятия суждений на страницах гениальной книги.

Существуют как бы два Кейнса: один ловко «препарированный», разложенный по полочкам, удобный для восприятия и для преподавания. Другой — живой, ищущий, идущий непротоптанными путями, часто ускользающий, «неудобный». Здесь вспоминается выражение, использованное Р. Коузом по другому поводу, но поразительно подходящему для выражения

настоящей ситуации — «экономическая теория для классной доски» [7, с. 342]. Чаще всего это выражение используют в отношении неоклассиков, но, оказывается, есть и «Кейнс для классной доски» («ортодоксальный Кейнс»).

Этот ортодоксальный Кейнс есть продукт неоклассического синтеза, продукт «экономикс», которая исповедует принцип «чистой экономической науки», отказывая во внимании историческому, политическому, идеологическому, этическому и всем другим контекстам. Кейнс же — мультиконтекстуален. В частности, он замечает, что «...экономическое процветание оказывается в чрезмерно большой степени зависимым от политической и социальной атмосферы, созвучной духу рядового бизнесмена. ...Оценивая ожидаемый размах инвестиций, мы должны поэтому принять во внимание нервы, склонность к истерии, даже пищеварение и реакции на перемену погоды у тех, от чьей стихийной активности в значительной степени зависят эти инвестиции» [6, с. 262].

Неоклассический синтез, вдохновлённый ошеломительным успехом «великого синтеза» Альфреда Маршалла, пытается соединить в едином потоке неоклассику и кейнсианство. Но то, что удалось блестяще реализовать Маршаллу, оказалось не под силу П. Самуэльсону. И дело тут не в личностях учёных, не в их профессиональном масштабе, а в самих синтезируемых идеях. Если А. Маршалл применил новую методологию маржинализма для переосмысления наследия классиков, то П. Самуэльсон попытался рассмотреть кейнсианскую теорию как частный случай неоклассической. Налицо различие подходов: у А. Маршалла — органический, у П. Самуэльсона — механистический.

В попытке синтезировать два подхода, П. Самуэльсон отбрасывает как несущественную мысль Кейнса о создании *общей теории*. Для Дж. М. Кейнса эта мысль первостепенная, так как даёт название всему произ-

ведению — «Общая теория занятости, процента и денег», а также открывает произведение, давая название первой главе — «Общая теория». В ней он пишет: «Я назвал эту книгу «Общая теория занятости, процента и денег», акцентируя внимание на определении «общая». ... Я приведу доказательства того, что постулаты классической теории применимы не к общему, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных состояний равновесия. Более того, характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живём, и поэтому их проповедование сбивает с пути и ведёт к роковым последствиям при попытке применить теорию в практической жизни» [6, с.137].

Вышеприведённые рассуждения Дж. М. Кейнса снова заставляют вспомнить Р. Коуза, который в 1930-е гг. (как и Дж. М. Кейнс) создавая своё основное произведение, писал о желательности в экономической теории *реалистичности* допущений. Допущения бывают реалистичными, а бывают удобными. «На деле это приводит к тому, что, когда экономисты не в состоянии анализировать происходящее в реальном мире, они изобретают воображаемый мир, поддающийся их интерпретации» [8, с. 80]. Воображаемых миров, как и моделей, их отражающих, может быть много.

Главное расхождение Дж. М. Кейнса с неоклассиками, делающее нереальным синтез их идей, это то, что они из разных миров. (Можно сказать, что П. Самуэльсон создаёт *свой* мир, пытаясь обеспечить неоклассический синтез, но это уже другая история.) Дж. М. Кейнс пишет: «...очевидно, что поскольку классическая теория приложима лишь к случаю полной занятости, то совершенно неправильно применять её к анализу «вынужденной» безработицы, если уж такая возникает (а кто же будет отрицать, что она действительно существует). Теоретики классической шко-

лы похожи на приверженцев евклидовой геометрии в неевклидовом мире, которые убеждаясь на опыте, что прямые, по всем данным параллельные, часто пересекаются, не видят другой возможности предотвратить злосчастные столкновения, как бранить эти линии за то, что они не держатся прямо. В действительности же нет другого выхода, как отбросить вовсе аксиому параллельных линий и создать неевклидову геометрию. Нечто подобное требуется сегодня и экономической науке» [6, с. 148].

Кейнс считает, что недостатком многих профессиональных экономистов является равнодушие «к несоответствию между их теоретическими выводами и наблюдаемыми фактами. Это противоречие не могло ускользнуть от рядового человека; не случайно он стал относиться к экономистам с меньшим уважением, чем к представителям тех научных дисциплин, у которых теоретические выводы согласуются с данными опыта» [6, с.160]. Ученый не согласен не только с игнорированием классиками факта наличия вынужденной безработицы, но и с применением ими подходов микроэкономики к анализу национальной экономики: «...у нас нет таких лёгких способов избавиться от страданий, причиняемых безработицей. И нам приходится принимать такие страдания как неизбежный результат применения к деятельности государства тех заповедей, которые наилучшим образом приспособлены для того, чтобы “приносить обогащение” отдельному человеку» [6, с. 240].

Элемент нереалистичности многим теоретическим построениям добавляет, по мнению Дж. М. Кейнса, *отсутствие в них динамики*. «Тот факт, что за построениями современной экономической теории часто кроется предположение о статическом состоянии, вносит в неё значительный элемент нереальности» [6, с. 249]. И хотя сам Дж. М. Кейнс не разрабатывал теорий роста, элемент динамики у него активно присутствует благода-

ря учёту *ожиданий* агентов, что связывает настоящее и будущее. Очень важный в его теории показатель предельной эффективности капитала определяется ожидаемой отдачей от капитала. Состояние долгосрочных предположений определяет побуждение к инвестированию. Ожидания, предположения исходят из учёта динамики процесса. Замечательно, что настоящее и будущее связаны у Дж. М. Кейнса не простой экстраполяцией, он не переносит сегодняшние тенденции в будущее, а пытается показать, как будущее влияет на настоящее, причём, *предполагаемое* будущее: «График предельной эффективности капитала имеет фундаментальное значение, потому что в основном через этот фактор ... предполагаемое будущее влияет на настоящее» [6, с. 249].

Ученый отмечает ещё один элемент нереалистичности многих теоретических моделей — их *надуманная математичность*. К сожалению, именно этим страдали многие изложения и переосмысления идей самого Кейнса, что говорит о том, что истинного Кейнса в этих построениях нет. Дж. М. Кейнс пишет: «Слишком большая доля современной “математической экономики” представляет собой, по существу, простую мешанину, столь же неточную, как и те первоначальные допущения, на которых она основывается, причём авторы получают возможность забывать о сложных отношениях и взаимосвязях действительного мира, замыкаясь в лабиринте претенциозных и бесполезных символов» [6, с. 369].

Маржинализм, на котором базируется неоклассика, в качестве важнейшей методологической предпосылки использует принцип рациональности. Кейнс исходит из принципа *ограниченной рациональности*, не используя этого термина, но реализуя его сущность. Как само собой разумеющееся он отмечает: «...полученные нами знания не обеспечивают достаточной основы для предположений, рассчитанных с математической точ-

ностью» [6, с.254]. То есть экономические агенты не располагают всей необходимой информацией, поэтому не могут иметь точных оценок явлений и им приходится пользоваться условными оценками. «На практике мы молчаливо соглашаемся, как правило, опираться на то, что в действительности является *условностью*» [6, с. 254]. Эта идея представляется гениальной для своего времени, но осталась без должного внимания, как и идея *конвенциональности*, которая, кстати, обеспечивает возможность пользоваться условными оценками: «...условный метод расчёта совместим с высокой степенью преемственности и постоянства в наших делах до тех пор, пока можно полагаться на то, что эта условность принимается всеми участниками» [6, с. 254].

Идея конвенциональности получила развитие в неоинституционализме (экономика соглашений у Л. Товено, идеология согласия у Д. Норта). Хотелось бы привлечь внимание к тому, что просится назваться «фьючерсной конвенциональностью» (термин автора. — С. Г.). В оригинальной теории процента Дж. М. Кейнса присутствуют и условные оценки, и связь настоящего времени с будущим, и конвенциональность, причём, переносимая на будущее: «Видимо, точнее было бы сказать не то, что норма процента есть в значительной степени психологический феномен, а то, что она есть в значительной степени конвенциональный феномен. Ведь её фактическая величина в большой мере определяется преобладающим взглядом на её ожидаемую в будущем величину» [6, с. 295].

Основой новаторского подхода Дж. М. Кейнса является роль, которая отводится *массовой психологии* в объяснении экономических процессов. Не случайно ядром кейнсианской теории является основной психологический закон, который гласит: «Психология общества такова, что с ростом совокупного реального дохода увеличивается и совокупное потребление, однако не в такой же мере, в какой растёт доход» [6,

с. 155]. Большая роль в теории Кейнса отведена теории мультипликатора, и он тоже напрямую связан с массовой психологией: «...значения мультипликатора представляют собой функцию от психологических склонностей населения» [6, с. 229].

У Дж. М. Кейнса появляется совершенно необычный ракурс рассмотрения массовой психологии — «заглядывание в будущее», или своеобразный «фьючерсный» подход, когда значение имеет не просто учёт массовой психологии, а её *предугадывание* теми, кто принимает важные решения — например, профессиональными инвесторами. «Большинство этих лиц в действительности весьма озабочены... тем, чтобы предугадать немного раньше широкой публики изменения в системе взаимно разделяемых условностей как основы рыночной оценки. Их интересует не реальная стоимость какого-либо объекта вложения капитала..., а то, как рынок будет оценивать его под влиянием массовой психологии через три месяца или через год. ...Итак, профессиональный инвестор... вынужден уделять внимание предвидению надвигающихся перемен, ...точнее тех из них, которые... оказывают наибольшее влияние на массовую психологию рынка» [6, с. 256].

Действия, имеющие целью прогноз психологии рынка, Дж. М. Кейнс называет спекуляцией; а действия, имеющие целью прогноз ожидаемого дохода от имущества за весь срок его службы — предпринимательством. По мере совершенствования организации рынков инвестиций, возрастает опасность преобладания спекуляции над предпринимательством. «Спекулянты не приносят вреда, если они остаются пузырями на поверхности ровного потока предпринимательства. Однако положение становится серьёзным, когда предпринимательство превращается в пузырь в водовороте спекуляций. Когда расширение производства капитала становится побочным продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хорошего результата»

[6, с. 259]. Таким образом, спекуляция вносит неустойчивость в экономическую систему.

Кроме отмеченной причины неустойчивости Кейнс привлекает внимание к неустойчивости, «...проистекающей из определённого свойства человеческой природы, которое выражается в том, что заметная часть наших действий, поскольку они направлены на что-то позитивное, зависит скорее от *самопроизвольного оптимизма* (выделено автором. — С. Г.), нежели от скрупулёзных расчётов, основанных на моральных, гедонистических или экономических мотивах» [6, с. 261]. Многие позитивные решения «...принимаются под влиянием одной лишь жизнерадостности — этой спонтанно возникающей решимости действовать. ...Поэтому, когда жизнерадостность затухает, оптимизм поколеблен и нам не остаётся ничего другого, как полагаться на один только математический расчёт, предпринимательство хиреет и испускает дух. ...Но частная инициатива будет на высоте лишь в том случае, когда разумные расчёты дополняются и поддерживаются духом жизнерадостности» [6, с. 261–262]. Представляется, что в игнорировании данного положения часто кроются причины неудач программ по развитию бизнеса в России и не только.

Мы уже отмечали неприятие Кейнсом чрезмерно формализованного подхода, упования на «разумные расчёты». Возвращаясь неоднократно к этой очень важной для него идее, и в рассуждениях о роли оптимизма в человеческой деятельности он считает нужным призывать «...помнить, что человеческие решения, поскольку они воздействуют на будущее — и в личных, политических или экономических делах, не могут полагаться на строгие математически обоснованные предположения, поскольку отсутствует база для их обоснования. Именно наша врождённая жажда деятельности есть сила, которая движет миром; рациональная половина нашего «я» занимается, как умеет,

отбором альтернатив, рассчитывая там, где можно, однако она нередко оказывается во власти наших капризов, настроений и желаний попытаться счастья» [6, с. 262].

Очень содержательным является замечание о том, что рациональная половина нашего «я» занимается оптимизационными расчётами «как умеет»! Это подтверждает отмеченный выше факт признания Дж. М. Кейнсом ограниченной рациональности экономических агентов. Кроме принципа ограниченной рациональности в исследовании Кейнса присутствует и *принцип неопределённости*. В рассуждении о склонности к потреблению находим следующее замечание: «...на склонность к потреблению может сильно повлиять состояние полной неизвестности относительно будущего и относительно того, что оно может с собой принести» [6, с. 209]. В исследовании процента ученый отмечает: «Большое увеличение количества денег в состоянии внести столь большую неопределённость в перспективу, что усилится предпочтение ликвидности, связанное с мотивом предосторожности» [6, с. 270]. А далее Дж. М. Кейнс очень интересно соединяет проблему неопределённости с разбросом мнений. Оказывается, согласие во мнениях не всегда полезно: «...мнение относительно будущей нормы процента может быть настолько единодушным, что и малое изменение ставок вызовет массовую погоню за наличностью» [6, с. 270]. Из выявленных зависимостей делает просто гениальный вывод, по значению выходящий далеко за рамки экономической науки: «Интересно, что устойчивость системы и её чувствительность к изменениям в количестве денег так зависят от различия в мнениях о том, что не может быть определено. Лучше всего было бы знать будущее. Но поскольку оно неизвестно, то если мы намерены контролировать функционирование экономической системы, изменяя количество денег, важно, чтобы мнения о будущем расходились» [6, с. 270].

К похожей идее Дж. М. Кейнс приходит при анализе мотивов предпочтения ликвидности: «Вероятность роста активности на рынке облигаций возникает лишь в той мере, в какой появление новостей по-разному интерпретируется различными людьми или по-разному затронет индивидуальные интересы» [6, с. 291].

Проблема *интерпретации информации* в книге Дж. М. Кейнса и его последователей не получила развития. Однако это один из важнейших моментов, дистанцирующих Дж. М. Кейнса от маржиналистской ортодоксии. У представителей последней проблема интерпретации не возникает, так как экономические агенты воспринимают мир таким, «как он есть». (Мы уже отмечали выше, что сам этот мир задаётся рядом удобных предпосылок.) Кейнс же, затрагивая идею интерпретации, прокладывает дорогу важнейшему положению неoinституционализма, прекрасно развитому Д. Норт. В книге «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» тот пишет: «... люди воспринимают внешний мир путём переработки информации с помощью предсуществующих ментальных конструкций, обеспечивающих понимание окружающего и решение возникающих проблем» [9, с. 37]. Принимая точку зрения об ограниченной информации у индивида и его способности к вычислениям (что мы выше отмечали и у Кейнса), приходится проводить различие между реальным и воспринимаемым миром. Именно наличие данного различия является сложной проблемой человеческого взаимодействия, определяя существование неопределённости любой общественной системы.

Для смягчения проблемы люди выработали на протяжении длительного времени сотрудничества правила и процедуры, призванные упростить процесс переработки, организации и использования информации, устойчивые стереотипы взаимодействия, которые теперь называют институтами. Д. Норт делает вывод,

что институты существуют для уменьшения неопределённостей, сопровождающих взаимодействие между людьми.

Таким образом, мы находим у Дж. М. Кейнса много идей, позже получивших развитие в институционализме. Выше в тексте было много примеров этого. Сейчас же выделим те, которые являются определяющими для институционализма — учёт контекста протекания экономических процессов и институциональной среды как упорядоченного набора формальных и неформальных институтов.

Рассуждая о субъективных факторах склонности к потреблению, Дж. М. Кейнс пишет: «Сила всех этих мотивов будет резко меняться в зависимости от характера существующих инструментов и экономической структуры рассматриваемого нами общества, в зависимости от привычек, создаваемых расовыми особенностями, уровнем образования, условностями, религией, существующими представлениями о морали, в зависимости от преобладающих в настоящее время надежд и прошлого опыта, от масштабов наличных производственных мощностей и их технического уровня, от господствующих форм распределения богатства и установившегося уровня жизни» [6, с. 222]. Ученый чётко обозначает свою позицию вне рамок экономикс, на деле отказываясь от принципа «чистой экономической науки», переходя к пониманию необходимости учёта разнообразных факторов при анализе экономических процессов (что автор данной статьи обозначает как «мультиконтекст» [12, с. 108–113]).

Поясняя позицию схоластов по отношению к проценту, Дж. М. Кейнс отмечает, что «...изыскания схоластов были направлены на разъяснение формулы, которая допускала бы высокую предельную эффективность капитала и держала бы в то же время на низком уровне норму процента, используя для этого закон, обычаи и моральные санкции (выделено автором. — С. Г.)» [6,

с. 408]. Рассуждая о государственном регулировании, он выделяет то положение, что «... мудрое и благоразумное государственное руководство должно дать возможность вести игру в соответствии с установленными *правилами* (выделено автором. — С. Г.) и ограничениями...» [6, с. 426]. Но именно правила игры и механизм принуждения к их осуществлению Д. Норт определяет в качестве института. Данная трактовка института получила наиболее широкое распространение в экономической науке. Важно, что в теории Дж. М. Кейнса присутствуют и формальные и неформальные институты. Последние он интересно соединяет с так ценным им разнообразием: «...разнообразие сохраняет *традиции* (выделено автором. — С. Г.), которые воплощают в себе наиболее верный и успешный выбор предшествующих поколений. Оно окрашивает настоящее в переливающиеся цвета фантазии, и, будучи служанкой опыта в такой же мере, как традиции и фантазия, оно является наиболее могущественным средством для достижения лучшего будущего» [6, с. 430].

Украшая экскурс в мир идей Дж. М. Кейнса этим замечательным пассажем, характеризующим его не только как учёного-экономиста, но и как философа с поэтическим даром, хочется с оптимизмом присоединиться к мнению Р. М. Нуреева о возрастании «интереса к философии экономики в целом и к первоначальному кейнсианству в особенности» [11, с. 33].

Отмечая большую роль неокейнсианства в развитии идей Кейнса, можно всё же выразить надежду на появление новых последователей Кейнса, делающих акцент на его «неортодоксальных» идеях. Данные идеи особо востребованы современной сложной реальностью, не уместяющейся в строгие математические модели и конструкции, несовместимой с механистическим подходом.

Мы уже отмечали развитие идей Кейнса в рамках институционального подхода. На наш взгляд трудно

переоценить возможные последствия для экономической науки данного начинания. Абсолютно по-новому начинает восприниматься проблема «план или рынок», актуальная для России на всех этапах её развития, но особенно остро обозначившейся в 1980-е гг. В понятие «план» включалась идея активного государственного регулирования. Победили «рыночники», очарованные успехами стран с развитой рыночной экономикой. В качестве теоретического инструмента экономической политики России, только начинающей переход к рынку, был воспринят монетаризм, — теоретический продукт, порождённый развитой экономикой, причём вышедшем на авансцену на определённом этапе её развития (экономический кризис середины 1970-х гг.; время кризиса кейнсианской теории государственного регулирования экономики). Состоявшийся выбор стал причиной больших проблем в переходной экономике, что заставило многих бывших приверженцев отвернуться от рынка. Сегодня всё чаще слышны призывы вернуться к идее госрегулирования. С другой стороны, высказываются идеи в духе «невидимой руки». Таким образом, проблему пытаются решать в двоичной системе.

Идеи неортодоксального Кейнса, получившие развитие в русле неинституционализма, позволяют придать проблеме объём, многомерность, сделать подход к её разрешению более адекватным реальности. Именно неопределённость среды, ограниченная рациональность участников взаимодействия (отмеченные Кейнсом) приводят к возникновению транзакционных издержек, ставших «визитной карточкой» неинституционалистов. В своей Нобелевской лекции «Институциональная структура производства» Р. Коуз отмечал, что «...никто не может поручиться, что в мире положительных транзакционных издержек действия правительства (типа управления предприятиями, регулирования или налоговой политики, включая субсидии)

не смогут дать лучшего результата, чем переговоры между индивидами на рынке» [7, с. 347]. Имеют значение издержки взаимодействия не только в экономической, но и в политической сфере. Только при нулевом значении тех и других рынок со всеми проблемами справится сам («невидимая рука!») и тип правления в стране не будет влиять на её экономическое развитие. Однако при положительных трансакционных издержках распределение политической власти внутри страны и структура институтов, вырабатывающих правила, являются решающими факторами экономического развития.

Высокий уровень трансакционных издержек в России делает для неё особенно актуальным учёт распределения политической власти внутри страны и институциональной структуры (в том числе структуры институтов, вырабатывающих правила взаимодействия). Вышесказанное помогает дать новый подход к проблеме соотношения регулирования и экономической свободы для нашей страны, ответить на вопрос «план или рынок». Именно сознательное регулирование институциональной структуры, совершенствование правового обеспечения экономической жизни позволит создавать лучшие условия для функционирования рыночного механизма. Как это ни покажется для кого-то странным, но сильное государство не антипод рынка, а его необходимое условие в современной жизни. Эффективность взаимодействия государства и хозяйства обеспечивается *силой* государства.

Фрэнсис Фукуяма в работе «Сильное государство» говорит о появлении в начале XXI века новой установки на «приоритет силы над сферой влияния». Ф. Фукуяма цитирует Милтона Фридмена, ведущего учёного экономиста, отстаивавшего на протяжении многих десятилетий идеалы свободного рынка, приватизации как основы политики в постсоветских странах: «Но я ошибался. ...Оказалось, что соблюдение законности

может быть важнее приватизации» [14, с. 41]. Эту мысль Ф. Фукуяма иллюстрирует примером России, где приватизация привела «...к ослаблению государственных функций, что требовало функционирующих рынков и высокого уровня государственных полномочий, чтобы обеспечить их работу. Ничего подобного в России не было, и в результате многие приватизированные активы не дошли до тех бизнесменов, кто мог бы их сделать продуктивными» [14, с. 41]. Россия 1990-х продемонстрировала слабость государства, что означает недостаток административного потенциала для нормального управления экономикой. Сила государственной власти состоит в способности «государства планировать и проводить политические курсы и обеспечивать следование законам честно и открыто» [14, с. 21].

Понимание проблемы не всегда даёт действенные рецепты её решения. Дело в том, что не существует универсально удовлетворительных правил создания организационных структур. Ф. Фукуяма считает, что «... не может быть науки общественного администрирования, несмотря на недавние усилия экономистов её создать» [14, с. 8–9]. Ф. Фукуяма отстаивает идею, что «удачные решения проблем общественного администрирования в некотором смысле должны быть местными» [14, с. 82].

Фрэнк Доббин в работе «Формирование промышленной политики» высказывает схожую идею: «...рассматривая институционализированные смыслы современного общества как продукт локальных социальных процессов, мы сумеем лучше ориентироваться в вопросах публичной политики. Для этого надо перейти от постановки вопроса в духе реализма («каким универсальным рациональным законам подчиняется социальная реальность?») к конструктивизму («каким образом конкретные рационализированные социальные институты складываются в конкретном социальном контексте?»). Я утверждаю, что различия

между рационализированными смысловыми системами ... объясняют значительные различия в политике разных стран и что рациональность в основе своей обусловлена культурой» [3, с. 608].

К культурной составляющей общественного развития сегодня обращаются многие исследователи. Большой вклад в её изучение внёс Д. Норт. Он определяет культуру как межпоколенческий перенос норм, ценностей и идей. В работе «Понимание процесса экономических изменений» ученый пишет: «Существует тесная связь между системами убеждений и институциональным каркасом. Системы убеждений включают в себя внутреннюю репрезентацию социального ландшафта. Институты являются теми структурами, которые люди накладывают на этот ландшафт для получения желаемого результата. ... Таким образом, структура некоторого экономического рынка отражает убеждения агента, способного определять правила игры. ... В том случае, если существуют конфликтующие убеждения, институты будут отражать убеждения того агента, ... который обладает полномочиями настоять на своём выборе» [10, с. 80]. То есть идея сильного государства дополняется идеей сильного лидера. Норт делает вывод: «Ключом к пониманию процесса изменений становится интенциональность игроков, стоящих за процессом институциональных изменений, а также их видение положения вещей» [10, с. 16].

Таким образом, очевидно, что современные неоинституциональные идеи развивают многие подходы Кейнса (не выявляя очевидно существующую с ними связь). Позиционируя неоинституционализм как обогащённую идеями институционализма неоклассику, кейнсианство априори ставится ему в оппозицию. Хотя внимательное чтение не литературы о Кейнсе, а самого произведения Кейнса, заставляет найти многое, что сближает его позиции и позиции современных неоинституционалистов. Гениальные произ-

ведения всегда полны смыслами, которым приходит своё время. Неокейнсианцы развили те идеи Кейнса, которые были актуальны и востребованы во второй половине XX века. Сегодня пришло время и для других идей книги «Общая теория занятости, процента и денег». Чтобы во всей полноте осознать их и обеспечить им применение и развитие, требуется «очистить» идеи самого Кейнса от домыслов его комментаторов. Сегодня интересен именно неортодоксальный Кейнс – Кейнс за пределами кейнсианства «классной доски»!

Список использованной литературы

1. Вайнтрауб С. Хиксианское кейнсианство: величие и упадок / С. Вайнтрауб // Современная экономическая мысль / под общ. ред. В. С. Афанасьева, Р. М. Энтова. – М. : Прогресс. 1981. – С. 91–117.

2. Гловели Г. Д. История экономических учений : учеб. пособие / Г. Д. Гловели. – М. : Юрайт, 2011. – 742 с.

3. Доббин Ф. Формирование промышленной политики (фрагменты книги) // Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 607–632.

4. История экономических учений : учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 784 с.

5. История экономических учений : современный этап : учебник / под общ. ред. А. Г. Худокормова. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 732 с.

6. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс // Антология экономической классики : в 2 т. / [сост. И. А. Столяров]. – М. : Эконов, 1992. – Т. 2. – С. 137–432.

7. Коуз Р. Институциональная структура производства [Нобелевская лекция] / Р. Коуз // Природа фирмы : К 50-летию выхода в свет работы Р. Коуза «Природа фирмы» / под ред. О. И. Уильямсона, С. Дж. Уинтера; пер. с англ. М. Я. Каждана; науч. ред. пер. В. Г. Гребенников. – М. : Дело, 2001. – С. 340–351.

8. Коуз Р. Природа фирмы : истолкование / Р. Коуз // Природа фирмы : К 50-летию выхода в свет работы Р. Коуза «Природа фирмы» / под ред. О. И. Уильямсона, С. Дж. Уинтера; пер. с англ. М. Я. Каждана; науч. ред. пер. В. Г. Гребенников. — М. : Дело, 2001. — С. 74–91.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономик / Д. Норт ; пер. с англ. — М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 190 с.
10. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт ; пер. с англ. — М. : ИД ГУ-ВШЭ, 2010. — 253, [1] с.
11. Нуреев Р. М. «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса: предпосылки возникновения, методология и особенности интерпретации / Р. М. Нуреев // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). — 2016. — Т. 8, № 1. — С. 6–35.
12. Самошилова Г. М. От контекста — к мультиконтексту в рамках институционального подхода / Г. М. Самошилова // Институциональная трансформация экономики : российский вектор новой индустриализации : матер. IV Междунар. науч. конф. : в 2 ч. [отв. ред.: Е. А. Капогузов, Г. М. Самошилова]. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. — Ч. 1. — С. 108–113.
13. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли / Б. Селигмен ; пер. с англ. — М. : Прогресс, 1968. — 600 с.
14. Фукуяма Ф. Сильное государство : управление и мировой порядок в XXI в / Ф. Фукуяма; [пер. с англ.]. — М. : АСТ Хранитель, 2007. — 220, [2] с.

Информация об авторе

Самошилова Галина Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории и предпринимательства, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а, e-mail: 416593@mail.ru.

Author

Galina M. Samoshilova — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory and Entrepreneurship, Dostoevsky Omsk State University, 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russian Federation, e-mail: 416593@mail.ru.

Для цитирования

Самошилова Г. М. Неортодоксальный Кейнс: за пределами кейнсианства «классной доски» / Г. М. Самошилова // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18, № 3. — С. 467–487. — DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(3).467-487.

For Citation

Samoshilova G. M. Unorthodox Keynes: beyond Keynesianism «Blackboard». *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2017, vol. 18, no. 3, pp. 467–487. DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(3).467-487. (In Russian).